

Яна Жемойтелите - Отрывок из романа «Время обнимать»

[О ЖУРНАЛЕ](#)

[НОВОСТИ](#)

[КОНТАКТЫ](#)

[НАША КОМАНДА](#)

[ИНТЕРНЕТ ЖУРНАЛ](#)

[ФОРУМ](#)

[ПОДПИСКА](#)

РУБРИКИ

[ЛИТПРОЦЕСС и вокруг](#)

[Анонсы номеров и отзывы](#)

[Содержание номеров](#)

[Перекресток](#)

Розы и селезень

К июлю 427 года упала такая жара, что вечно докучавшие комары иссохли на лету. Улицы Равенны опустели: солнце обжигало кожу до пузырей. Даже в море не стоило искать спасения: вода была теплой. Лошади, коровы и козы уныло пощипывали желтый ежик травы — все, что осталось от тучных лугов. Доились животные скудно, с неохотой. Только шмели и пчелы сновали по-прежнему деловито, обхаживая гигантские фантастические цветы, которые в этом году брызнули особенно пышно, ярко. Сочные розы, налитые багрянцем, удивляли глаза невиданно крепкими бутонами, васильки синеоко глядели сквозь выжженный бурьян, огромные зонтики ромашек бесстыдно тарачились из каждого уголка. Что-то весьма постыдное таилось в этом буйстве цветов, все подспудно ощущали это, но никто не мог сказать с определенностью — что именно.

Юста любила цветы. Они были прекрасны и молчаливы, они спокойно принимали свою красоту в отличие от женщин. Этим нужно было непременно выпятить достоинства, которыми щедро наградил их Господь. Была ли в том хоть толика собственной заслуги, что некоторые родились на

"СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА"
Представляем книги
Отдел критики
Литературная мастерская
Издательство и Магазин

**ПУБЛИКАЦИИ ИЗ
ПОСЛЕДНЕГО НОМЕРА
бумажного "СЕВЕРА":**

Захар Прилепин -
«Россия - это страна слова»,
интервью Елены
Пиетилияйнен с известным
российским писателем из №
1-2, 2012

Владимир Рудак -
«Пятый океан»,
«Единственная стрела»,
«Глубина»; рассказы из №
1-2, 2012

Лауреаты
литературного конкурса
"Северная звезда": Татьяна
Мехнина - «Я буду
счастлива...», стихи из №
1-2, 2012

Ефим Гаммер -
«Невольный трепет
Пушкина, или Царь
Иудейский», повесть
ассоциаций из № 1-2, 2012

свет длинноногими, с тонкой гибкой талией и маленькими ушками, столь похожими на морские раковины? И разве виновата была она, Юста, в том, что уродилась рыжеволосой коротышкой, обрызганной веснушками с головы до ног, а ушки ее настороженно торчали по сторонам, как у спугнутой мыши?

Жара способствовала уединению. Докучливая Елпидия к тому времени уже завершила свой земной путь, а молодые няньки, сопровождавшие девочку на прогулке, заболтались с конюхами у фонтана, который по жаре пускал струи медленно, вязко. Юста поспешила сбегать. Она забралась в самый запущенный уголок сада недалеко от ограды. Там росли сливы, за которым давно никто не ухаживал. Деревья досыта накормили ее сочными переспелыми плодами, источавшими медовую сладость. Наглые пчелы лезли прямо в рот. Когда Юсте надоело от них отбиваться, она швырнула надкушенную сливу в траву и, разморившись, прикорнула на травке, которая здесь, в сени пышных слив, сохранила мягкость.

Очнулась она оттого, что кто-то щекотал ей нос сухой былинкой. Чихнув, Юста открыла глаза. Прямо перед ней стоял молодой мужчина очень интересного вида: с лицом плоским, как блин, и приплюснутым носом. Раскосые глаза его под сросшимися бровями смотрели на нее с живым любопытством, как на диковинную гусеницу. Ноги чужака обтягивали штаны тонкой кожи, под курткой такой же выделки играли круглые мышцы. Был он невысок ростом, по-мужски изящен, от него слегка тянуло дымом и ветром. Так обычно пахли люди, входившие в дом с сухого мороза. Но ведь сейчас стояла жара... Как странно! Юста некоторое время молча разглядывала незнакомца, не в состоянии решить, то ли он злой, то ли красивый.

— Извини, я тебя напугал? — незнакомец заговорил первым. — Меня зовут Аттила, я гунн. Наш король прислал посольство вашему императору, — Аттила говорил на правильной латыни, но со странным гортанным призвуком. — Смешно, однако. Валентиниан — сопливый мальчишка, а

Владислав Бахревский
- «Сталин и Мао радуют нас», повесть из № 1-2,
2012

Снежана Слепкова -
«Все забросить, все начать.
Оглянуться...», стихи,
рубрика "дебют в "Севере"
из № 1-2, 2012

Наталья Черкас - ЖЗЛ:
Альфред Нобель; Николай
Коперник; Джордано Бруно;
Галилео Галилей, сказки из
№ 1-2, 2012

Марина Струкова -
«Между небом и мной...» (О
поэзии В.Шемшученко),
рубрика "портрет поэта" из
№ 1-2, 2012

Евгений Семичев -
«Меня не выдумал
Господь...», стихи из № 1-2,
2012

Иван Зорин -
«Спиритический сеанс для
Николая Второго»,
«Посмотри на ближнего
своего», «Цыганский
роман»; рассказы из № 1-2,
2012

наши ломаются перед ним так и эдак. Вы что, и впрямь считаете, что он божество?

— Император мне брат, — кисло ответила Юста. Ей было неинтересно говорить о Валентиниане. — Ах ты! Вон как! Ты сестра императора? Августа? — Аттила явно заинтересовался этим обстоятельством.

— Пока что нет.

— Ничего, это дело времени.

А у тебя красивые рыжие волосы, целый пожар на голове, — он присел рядом с ней на корточки.

— Если женщине говорят, что у нее красивые волосы, значит, больше нечего сказать по поводу ее красоты, — съязвила Юста.

— Кто тебе такое сказал?

— Мама.

— Твоя мама августа Галла Плацидия? Я заметил у нее несколько седых волосков, она тебе просто завидует.

— Мама? Мне? — Юста хмыкнула.

— Не смейся. Знаю я вас, римлян. Я в Риме пять лет провел. Правда, зеленый был тогда, мало что понимал в жизни, однако понял, чего стоят императоры, их слова и заявления. Империя богата, но продажна и уж больно чванлива. У вас никому доверять нельзя. Был у меня в детстве дружок из местных аристократов, Эций.

— Аэций? Почему был? Он и сейчас есть. Мама говорит...

— Опять мама говорит! Вот заладила! Я и не говорю, что Эция больше нет. Он сам к римлянам переметнулся, да еще и конницу увел. А ведь мы с ним в детстве мечтали объединить Рим с Гуннской империей, сделать оба народы счастливыми, чтобы все жили на плодородных землях, избавились от войны...

Юста ничего не понимала в военных делах, поэтому не знала, что ответить. С другой стороны, она не любила пауз в разговоре.

Капитолина Кокшенева
- «Дорога к себе
бесконечна»
(Ультрареализм Ивана
Зорина), рубрика
"литературная критика" из
№ 1-2, 20112

Дмитрий Коржов -
«Куба после барбудос»,
рубрика "с другой стороны"
из № 1-2, 2012

Ольга Корзова - «И
чувствуешь себя лесной
царевной...», стихи из № 1-2,
2012

Валентина Акуленко -
«Варенька», рассказ из №
1-2, 2012

Николай Переяслов -
Литература как
предвестница
нанотехнологий и ее
влияние на общественные
процессы, Дискуссионный
клуб из № 11-12, 2011

Елена Маркова -
«Стихами выслан
предреченный путь...»
(Лирический триптих Елены
Пиетияянен), рубрика
"Портрет поэта" из № 11-12,

— А ты вообще как сюда попал? — Юста наконец опомнилась:
посторонним запрещалось гулять в императорском саду, за этим строго
сидели.

— Очень просто. Через забор. Пока там наши с твоим братом калякали, я
решил слегка проветриться. Благо уток здесь пруд пруди. Подбил селезня
на лету, а он возьми да рухни прямо к вам за ограду.

— Тебя могут поймать, это все-таки императорский сад.

— Я сейчас уйду. Но помяни мое слово: когда-нибудь я вернусь и возьму
тебя в жены, уж больно ты мне понравилась. Тебя, кстати, как зовут?

— Юста Грата Гонория.

— Так вот запомни, Юста Грата Гонория, Аттила женится на тебе,
рыжеволосой. Я ведь тоже царских кровей, а не хухры-мухры. Когда мой
дядя Роас отойдет в мир иной, я стану королем — шаньюем всех гуннов.
Мы с тобой завладеем миром. Знаешь, как переводится мое имя?

— Аттила? Как?

— Бич божий. Не напрасно же меня так называли. Ты выйдешь замуж за
властелина всего мира.

— А я вообще не выйду замуж, — Юста показала ему язык.

— Вот так новость! С чего ты взяла?

— Так велела тетя Пульхерия.

— Тыфу, пропасть! — Аттила и впрямь смачно сплюнул. — Что ты
слушаешь чужие бредни? Мама одно говорит, тетка другое. У тебя своя
голова на плечах. Эта тетка сама-то замужем?

— Нет. Она старая дева.

— Ха! Значит, тоже завидует. Гляди-ка, а вот и мой селезень. Лежит себе в
лопухах. Как красиво переливаются зеленые перышки на его горле! Я свою
добычу жалею, такой я мягкий сердцем. Ты, кстати, меня не боишься?

— Почему я должна тебя бояться? Я у себя дома. Это ты залез в наш сад,
как вор.

— Сейчас уйду, сейчас. Вот только стрелу выдерну, — Аттила ловко

2011

Галина Щекина -
«Первое взрослое лето»,
«Марш итальяно»; рассказы
из № 11-12, 2011

Елена Пиетийайнен -
«Опадают закаты
красные...», стихи из № 9-10,
2011

расправился с тельцем селезня. — Наконечник бронзовый, из колчана моего деда, таких теперь уже не делают, а напрасно: они били точно. Держи! — он отдал селезня Юсте. — Отнеси дичь на кухню, пускай ваши повара зажарят. Будешь косточки глотать — меня вспомнишь. Мы с тобой еще встретимся, рыжекудряя! — и, хотя ограда была почти в два его роста, Аттила с разбега легко перебросил через нее свое гибкое тело и исчез. Проводив его взглядом, Юста слепила сухими губами:

— Я никогда не встречала таких, как ты. Никого похожего на тебя. Отряхнув платье, она побежала через сад на кухню, чтобы отдать птицу повару. Вообще-то маме не очень нравилось, когда Юста посещала места, где обитали люди простые, только она не больно-то слушалась. Кухню наполняли такие интересные запахи: имбиря, корицы, перца. Иногда, остановившись под кухонным окном, Юста пыталась по духу угадать, что за блюда подадут на обед...

Евнух Нарцисс попался ей навстречу. Он как раз возвращался с кухни, распорядившись по поводу обеда для гуннских послов. Нарцисс был единственным мужчиной во всем дворце, с которым Юсте позволяли общаться наедине. Юсте нравилось проводить с ним время, он казался ей очень смешным, по-мальчишески худощавым, в отличие от всех прочих евнухов. Вдобавок, голову его венчали прекрасные золотые кудри, сбегавшие на готский манер до самых плеч. Они придавали ему сходство с ангелом, который красовался на витраже в домашней церкви, построенной матушкой...

— Что это у тебя? — Нарцисс перехватил добычу прямо из ее рук.

Юста с неохотой отдала дичь, ей так хотелось заглянуть на кухню самой:

— На, вели зажарить этого селезня.

— О, какой красавец! — Нарцисс повернул птицу так, что радужное оперенье заиграло на солнце.

— Странно, но в природе иначе, чем у людей: уточки невзрачны, а селезни щеголяют брачным убранством. Петухи красуются перед серыми самками, чтобы...ой, — Нарцисс осекся.

— Ладно тебе, договаривай, — властно велела Юста. — Чтобы продолжить род, да? Ты это хотел сказать? Я не люблю жеманства! Довольно, наслушалась я про пестики и тычинки!

Нарцисс уронил птицу в траву.

— Кто тебя просветил, девочка? — губы его дрогнули. — Я ничего такого тебе не рассказывал.

— Конечно, нет! Это все тетя Пульхерия.

— Кто? Августа Пульхерия? Как же это? — в глубокой растерянности

Нарцисс шарил в траве. — С чего бы это благочестивой Пульхерии...

— А нечего было трещать все дни напролет про непорочное зачатие! Мне стало интересно, что же такое порочное зачатие, или как рождаются на свет обычные дети. Вот, тетя Евдокия ходила беременная. А ведь она такая славная, почему же тогда порочна?

— Ты очень сообразительная девочка! — Нарцисс затрясся, едва сдерживая хохот.

— Да возьми ты уже этого селезня! Вот он! — Юста сама подняла птицу с земли.

У Нарцисса дрожали руки и губы от скрытого смеха:

— И тетя Пульхерия тебе все объяснила?

— Покраснела, но объяснила. Мы вышли в сад, сорвали тюльпан, нашли у него пестик и тычинки...

— О-о, — простонал Нарцисс. — Я-то думал, что моя девочка до сих пор невинна...

— Тоже мне слово нашел: невинна! Будто я в чем-то виновата. — О нет, нет, хватит! — Нарцисс утер невольные слезы. — Ты ни в чем не виновата.

Какие прекрасные розы! — он попробовал перевести разговор на другую тему.

— Да! — с жаром подтвердила Юста. — Тогда, после разговора с Пульхерией, мне вот что пришло в голову: цветы, эти прекрасные розы, которыми мама усадила весь сад, это на самом деле... знаешь, что?

— Что? — Нарцисс с любопытством наклонил голову.

— Это половые органы растений, вот что! — выпалила Юста. — А мы восхищаемся ими: ах, прелесть, ах, совершенство! Аромат, дурман! Разве не странно: то, что люди почитают греховным, — столь восхищает их!

— Юста... — евнух просто не находил слов. — Ты...ты развита не по годам. Надеюсь, ты не доверила Пульхерии свои мысли?

— Я же не дурочка! Вот, посмотри на этот бутон...

— Довольно! — взмолился Нарцисс. — Кстати, где ты взяла эту птицу?

— Мне отдал ее Аттила.

— Кто? Гуннский посол? — Нарцисса прошиб холодный пот. — Девочка, ты меня пугаешь. Аттила — очень опасный человек.

— Так я пугаю или Аттила? Он дал мне этого селезня и велел зажарить! Что в этом страшного? Почему вы все кругом чего-то боитесь?

— Императорский дворец — самое опасное место на земле, моя девочка, — Нарцисс обессилено вздохнул.

— Ступай-ка лучше, вели зажарить селезня! Только не говори никому, откуда он. — А что же я скажу? — Придумай сам, — крутнувшись на пятке, она поспешила к фонтану, где давеча оставила зазевавшихся няnek. Им ведь может влететь за то, что они недоглядели за ней.

В фонтане император Валентиниан пускал кораблики, не зная как убить время до обеда. Гуннских послов увела мама, велел ему никуда не отлучаться. Сидеть в одиночестве было смертельно скучно, поэтому он обрадовался сестре. Юста собиралась быстренько проскользнуть мимо и, пока никто не видит, все-таки наведаться на кухню, однако братик увязался за ней попятам:

— Юста-а, — завел он нудным тягучим голоском. — Я вчера подписал ука-аз непонятно о чем. Дядя Феодосий не умеет выражаться по-человечески.

— Какой еще указ? — Юста обернулась с кислой миной. Опять та же история: разъясняй этому недоумку простейшие вещи.

— Пойдем в библиотеку, сама почитаешь, я пересказать не могу.

Юста хотела отнекаться, но засекала нянек, которые, спохватившись, уже пересекали двор, и выбрала библиотеку.

— Ладно, только недолго, у меня дел по горло, — схватив Валентиниана за худенькую ручку, Юста увлекла его за собой. — Ты разве не знаешь, что дядя Феодосий сам ничего не пишет, он только переписывает книги и рисует картинки. Если нужно издать указ, за него сочиняют евнух Хрисафий и тетя Пульхерия.

В библиотеке было хотя бы прохладно. Валентиниан передал Юсте черновик указа, та зачитала вслух — с той же скучной миной, нарочито невыразительным голосом:

— «Императоры Феодосий и Валентиниан комиту императорского фонда наград Валерию. Если девушки иного статуса вступят в брак с мужчинами из ловцов пурпурных раковин, следует, чтобы те, кто будет рожден от них, наследовали материнскую приписную зависимость с того времени, как опубликован признающий это закон. Для тех же, кто, как окажется, был рожден раньше этого, пусть будет принято такое правило, чтобы наследовали только отцовское положение независимо от того, будет ли потомство из ловцов пурпурных раковин или из приписных колонов. Не следует оспаривать, если после издания закона кому-то представится целесообразным считаться или по отцу – ловцу раковин, или по матери, упомянутой зависимой из приписных». Боже, какое занудство! Наверняка Хрисафий писал. А что же тут непонятного?

— Все!

— Ты никогда не видел пурпурных раковин? — Юста пренебрежительно хмыкнула. — Ты не знаешь, кто такие колоны? Тебе не известно, что все плебеи к кому-то приписаны? Эти люди не могут жить самостоятельно, ими надо управлять.

— Дай сюда, дура! — со слезами в голосе Валентиниан выхватил свиток. — От тебя никакого толку!

— Ха-ха! Это от тебя никакого толку! И не приставай ко мне больше,

сопляк.

— Я пожалуюсь маме! — Валентиниан скривил рот в плаче.

— На здоровье! — сестра легко выскользнула от него, и через секунду платье ее уже замелькало во дворе.

— Все равно мама меня больше любит! — Валентиниан крикнул в окно.

Слезы душили его. На самом деле ему казалось, что его вообще никто не любит. Если б только чуть-чуть любили — позволяли бы играть с другими детьми, а не заниматься всякими пустыми делами, еще и в дурацком плаще, который волочится по земле. Только и думай, как бы не наступить на полу: сшили на вырост.

Утерев слезы, император Валентиниан из чувства мести написал в напольную вазу у дверей библиотеки.

Послы наконец отчалили. С одной стороны, наблюдать за гуннами было забавно: они, как малые дети, изумлялись любой интересной безделице, им непременно нужно было все потрогать: «Это золото? А это золото?».

Хорошо, хоть не тянули в рот. Порой так и хотелось надавать по рукам. С другой стороны, за этой наивностью сквозила лисья хитрость. Гунн свою выгоду знает! Голова разболелась под вечер. Галла выдернула из прически гребень, волосы свободно рухнули на спину. Ужин, потом вечерняя молитва, так и еще один день пройдет. Она позволила себе расслабить и опустить плечи, ссутулить спину. Может быть, стоит за ужином выпить вина? Тогда утихнет головная боль, и сон будет крепче. Она встала, чтобы открыть окно. Душный вечер хлынул в комнату дыханием зверя.

В саду в беседке сидела Падусия. Значит, сейчас сюда придет Феликс. В последнее время Падусия не спускала глаз со своего мужа, следуя за ним повсюду, как дворовая собачка. Феликс имел право тревожить Галлу в любое время, однако к ней Падусия почему-то не ревновала мужа, — пожалуй, к единственной женщине во всей Равенне и окрестностях. Очевидно, не напрасно: несмотря на скрытность, Феликс в любовных делах

допускал оплошности, и слухи достигали жены. Хотя — это были всего лишь слухи, многократно преувеличенные.

Феликс поскребся в дверь вкрадчиво, как кошка. Осторожность сквозила в каждом его жесте. Он появился запыхавшийся, как будто спешил сообщить что-то важное, однако просто спросил:

— Чего хотят гунны?

— Как всегда: выдачи беглых. Хотя это только повод получить финики. Еле дождалась их отъезда.

За разговором Галла невзначай взглянула в зеркало: к вечеру под глазами обозначились круги.

— Чего проще: накормить гуннов финиками, — сказал Феликс. — Эти денежки растут на деревьях, знай только урожай снимай. Или ты до сих пор не в ладах с Бонифацием?

— Бонифаций слишком активно ведет себя в Африке, — Галла впервые поделилась своими опасениями. Поговорить об этом она могла действительно только с Феликсом: он ни за что не выдаст.

— Что-то я тебя не пойму, — Феликс замотал головой. — Как ни крути, а Бонифаций старается во благо империи!

— Ах, довольно! С некоторых пор мне кажется, что Бонифаций старается во благо себе. Эта его женитьба на арианке мне тоже не нравится. Также мне нашел красотку Пелагию из везеготов!

— Помилуй, Галла! Она из твоей свиты!

— Вот именно, я знаю ее, как облупленную, — Галла начала раздражаться.

— Красивая и надменная. Такая женщина будет стремиться к власти.

Феликс сухо хмыкнул:

— Если бы меня попросили дать характеристику Галле Плацидии в двух словах, я выбрал бы те же: красивая и надменная.

— Да. Но разница в том, что у меня уже есть власть! — Галла наконец горделиво выпрямилась. — И я не собираюсь ни с кем делиться! Вот что, — она доверительно взяла Феликса за руку. — Попробуй выбить Бонифация

из Африки.

— Насколько мне известно, Бонифация не так-то просто выбить, пока что это не удалось никому. Феликс явно намекал на осаду Марсалии! Боже, сколько лет еще ее будут попрекать Атаульфом?

— Твое дело исполнять! — гневно кинула Галла. — Я тоже могу кое-что припомнить. Мне, кстати, прекрасно известно, кто организовал убийство епископа Патроклуса в Арле. Да и дьякона Титуса в Риме.

— Что ж, придворная жизнь несостоятельна без интриг, — уклончиво ответил Феликс.

— Однако для магистра двух милиций это все-таки мелко. Нет, если бы речь шла о ереси или по крайней мере о сферах влияния. Но ведь наверняка вы просто не поделили деньги!

— Ну, кое-что и тебе перепало, — Феликс ничуть не смутился. — Тебя никогда не интересовало, откуда я брал деньги, чтобы покрыть проценты по твоим долгам. Согласись, без меня тебе бы пришлось туговато, когда Бонифаций попал в окружение и иссяк финансово.

— Значит, ты подвернулся весьма кстати. Теперь Бонифаций угрожает империи.

— Бонифаций угрожает в первую очередь тебе.

— Я и есть империя! По крайней мере, здесь, на Западе. Я не потерплю соперника.

— Как прикажешь, — на прощание Феликс сухо поцеловал ей руку, почти что просто дунул. Галла в который раз отметила, что тонкая линия губ Феликса скрывала страсть на грани похоти. Поговаривали, будто он недавно сочинил эротические стихи про голую пастушку в стоге сена и якобы бы прочел их в мужской компании. Надо же, как только ему удается улизнуть от вездесущей Падусии! Очевидно, недавняя его поездка в Иллирию пришлась весьма кстати, Феликс провел время с толком, хотя всегда отрицал тождественность жизни и поэзии. Галле подумалось вскользь, что у Феликса гораздо больше шансов войти в письменную историю стихотворцем, а не полководцем. Магистр обеих милиций не

выиграл ни одного существенного сражения.

Соли на рану добавила Юста. Дочка вбежала к ней растрепанная, в коротком платьице, из которого она явно выросла. Собственно, именно это Юста жаждала сообщить:

— Мама, мне нужна новая одежда!

— Разве тебе нечего надеть?— Галла постаралась произнести как можно более строго. Нечего баловать девчонку. Ее участь давно предрешена: останется старой девой.

— Рукава короткие, вон: запястья торчат, — упрямо настаивала Юста. — Я ведь уже взрослая. Кстати, из украшений у меня — только этот браслет со змейкой, подарок дяди Бонифация.

— Довольно о Бонифации, прошу тебя! — Галла не сдержала окрика, однако, опомнившись, сказала уже помягче. — Ты пока еще не умеешь беречь одежду.

Юста готова была расплакаться, но сдержалась и вышла не попрощавшись. Значит, она не умеет беречь одежду?! Ну держись, мамочка! За свои слова придется ответить. Едва оказавшись во дворе, Юста выбрала уголок погрязнее и тщательно вымазалась с головы до пят, потом залезла на сливу и, нацепив подол платья на острый сук, резко рванула ткань.

